

*Посвящается всем мечтателям и тем,
кто не вписывается в рамки.
И тем, кто любит танцевать в темноте*

Действие книги «Те немногие, что несут тьму» разворачивается в постапокалиптическом мире, в опасной подземной тюрьме. Роман содержит сцены, которые для некоторых читателей могут показаться травмирующими: жестокость и насилие, суицидальные мысли, массовые убийства, попытка сексуального насилия, эротические сцены. Побойтесь о своем психическом здоровье. И если вы готовы, добро пожаловать в захватывающий мир книги.

*Если бы жизнь измерялась
в усвоенных уроках,
я стала бы бессмертной.*

— Халани Кейнс

Кто бы первым ни сказал, что «дальше падать некуда», он явно солгал. Всегда может стать хуже. Всегда. Можно провалиться еще глубже сквозь трещины и расщелины, потому что не существует настоящего дна, которое остановило бы падение в пучину несчастий.

Халани Кейнс знала это, как никто другой.

Тяжелые кандалы натирали запястья и лодыжки. Каждое движение отдавалось жгучей болью там, где холодный металл соприкасался с кожей, однако ее внимание было сосредоточено на возвышающейся платформе в центре.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

Слоган города Аполлон, глубоко высеченный на каменном помосте, издевательски насмеялся над ней. В этом искаженном адском городе справедливости не существовало. Особенно для тех, кто в ней больше всего нуждался. Ее превратили в оружие задолго до рождения Халани.

Огромный стражник с глубокими шрамами на лице резко остановил ее в зале суда. Вдоль стен широким кольцом горели факелы, чьи мерцающие тени, скользящие по камню, создавали зловещую и пугающую атмосферу. Но видимо, так и было задумано.

Охвативший Халани ужас оказался настолько сильным, что чуть ли не стал осязаемым. Она чувствовала его горьковатый аромат, даже ощущала вкус на сухих губах. Ее легкие расширились, чтобы вобрать больше кислорода, но даже воздух был отравлен сожалениями, грехами и криками тех, кто погиб на том же самом месте, где ступни ее дрожащих ног будто вросли в пол.

Топ. Топ. Топ. Топ.

Услышав звук шагов, она подняла взгляд.

К помосту приблизился крупный мужчина в черной мантии. Его лысая голова отражала свет даже в полумраке пещеры. Стражники рядом с Халани застыли, выпрямив спины.

В зал суда зашел Верховный судья.

Он хмуро оглядел помещение, и взгляд задержался на Халани. Ее тело сжалось, словно стараясь стать как можно меньше и незаметнее. Если бы взгляд мог убивать, ее конечности уже были бы изрублены на куски и брошены в костер.

Судья застыл в терпеливом ожидании, возвышаясь над ней.

— Вы знаете, что это, мисс Кейнс? — спросил он, держа в руках знакомую ей черную книгу. На бледной коже между его бровями четко виднелся шрам в форме буквы «X».

Халани нервно потеряла пальцы, и наручники немного сдвинулись с запястий. Она не могла вымолвить и слова, будто ей вырвали язык.

— Это предательство, — продолжил Верховный судья. — Тягчайшее преступление против города Аполлон. С кем вы поделились этой информацией?

Халани в недоумении посмотрела на него. Они не знали...

Слабые мышцы спины задрожали под тяжестью выбора, которого у нее на самом деле не было. Халани уже знала, что должна делать.

— Ни с кем. — Она сглотнула ком в горле.

— Знаете ли вы, мисс Кейнс, что в Аполлоне делали со лжецами?

Халани вздрогнула и почувствовала, как сердце бешено заколотилось в груди.

Верховный Судья усмехнулся.

— Их оставляли на поверхности, — прошептал он, наклоняясь вперед. Его тон был пугающим. — Их тела сгорали от сильнейшей радиации, пока они стучались в двери, умоляя впустить их обратно, и постепенно растворялись. У тебя нет семьи. В живых не осталось никого, кто любил бы тебя. Никто и бровью не поведет, если мы выбросим тебя гореть и гнить за пределы Гenezиса. Так что задам вопрос еще раз. Кто-нибудь знает об этой книге?

В живых не осталось никого, кто любил бы тебя.

Слова отразились от каменных стен и вонзились в Халани, словно острые, безжалостные ножи. Она сжала руки в кулаки, но ничто не могло опровергнуть эту горькую правду.

Раньше Халани верила, что любовь подобна солнцу. Невидима под землей. Непоколебима. Слово светлое пятно в мрачной вселенной. Но она ошибалась.

Любовь была как гравитация. Она тянула на дно, обнажая все твои уязвимости, разрушая барьеры и оставляя одну лишь пустоту.

Именно любовь заставила Халани открыть дверь в ту роковую ночь.

Месяц назад, когда Дуглас ворвался к ней в дом после комендантского часа так, словно за ним гналась стая бешеных крыс, она не прогнала его, как поступил бы любой здравомыслящий человек.

Когда он дрожащими руками показал ей черную потрепанную книгу, которая казалась старше ее на несколько столетий, она не ушла. Когда он попро-

сил подержать томик у себя несколько дней, в ответ должно было прозвучать решительное «Нет».

Но Халани проигнорировала все красные флаги, внушив себе, что они всего лишь темно-оранжевые. Дуглас был ее единственным другом в Аполлоне, и не имело значения, что ему шестьдесят девять лет и что от него пахло старыми книгами и разбавленным виски.

Впервые Халани заметила его странный взгляд, когда ела возле своего дома, сидя прямо на земле. Целый год Дуглас проходил мимо, молча наблюдая за ней. И вот однажды спросил:

— Неужели дорога удобнее стула?

Халани подняла голову, удивленная тем, что старик заговорил с ней. Она даже оглянулась проверить, не обращается ли он к какому-нибудь другому чудаку, жующему хлопья на брусчатке.

— Наверное, нет. — Она опустила взгляд. — Но мне нравится быть ближе к земле. Когда-нибудь мы все там окажемся.

— Мрачновато.

— Нет, просто меняет мировоззрение. Место для еды должно быть комфортным, так что я решила, что прием пищи на земле поможет мне принять тяготы жизни. Попробуй как-нибудь, — предложила она и вновь принялась за еду.

Халани думала, что после этого старик оставит ее — эту странную девушку, которая ест прямо на дороге, — но тот с тяжелым стоном сел рядом и вытянул ноги.

— Ну как? — спросила она после долгого, но комфортного молчания.

Он фыркнул:

— Что ж, не скажу, что это приятно, но, возможно, ты права. Перемены — это всегда болезненно.

С тех пор Дуглас каждую неделю ел с ней на дороге. За это время Халани узнала, что он рабо-

тает в Архивах — таинственном здании, где хранились артефакты Великого Коллапса. Однако он никогда не раскрывал ей подробности своей работы. Даже собственной семье мало что рассказывал. Это должно было стать для нее первым предостерегающим звоночком — и заставить держаться подальше от всего, что он просил спрятать.

Дуглас уверял, что скоро вернется за книгой.

— Просто поддержи ее у себя несколько дней. Пожалуйста, — умолял он.

Именно его дрожащий голос убедил ее. Халани согласилась временно оставить у себя книгу. Она все ждала, когда он вновь постучит в дверь, но этого так и не случилось. Только когда пришла на городскую площадь и обнаружила его висящее в петле тело с вырезанным на лбу словом «ВОР», она поняла, что он натворил.

Халани следовало вернуть книгу еще тогда. Будь она умнее, возможно, избежала бы смерти, но она не отличалась ни здравомыслием, ни нормальностью.

Халани была одинока. И никому не пожелала бы такого рода одиночества — когда кажется, что хочешь утонуть, но на самом деле просто ждешь спасения.

Слово «поэзия», начертанное на обложке, ничего ей не говорило. Но когда Халани набралась смелости и открыла книгу, то быстро поняла: внутри нет ничего прекрасного, живописного или нежного. Текст был грубым, необузданным. Каждое слово, пронизанное страстью и силой, пробуждало в ней незнакомые прежде чувства.

И Халани продолжала читать, потому что впервые за все время ее разум и сердце говорили в унисон. Она оставила себе книгу, чтобы сбежать. Чтобы стать свободной. Читала, чтобы твердо стоять на земле и громко заявлять о своей несогласии миру.

Несколько дней спустя, когда стражники ворвались в дом и арестовали ее за кражу, которую она не совершала, Халани не сказала ни слова. Не потому, что была мученицей, — просто сидеть на земле ее больше не устраивало.

— Говори! — Крик Верховного судьи хлестнул ее, словно кнут, мгновенно вернув Халани в настоящее.

— Я никому не говорила. — Ее голос звучал твердо и непоколебимо.

Если бы она рассказала, что отдала книгу жене Дугласа, Верховный судья убил бы всю их семью. Но Халани не могла этого допустить. Это было последнее, что она могла для них сделать. Единственная крупница добра, сохранившаяся в ней.

Пусть забирают то, что от нее осталось.

Верховный судья подался вперед, изучая ее побледневшее лицо. Несмотря на пронизывающий ее страх, Халани продолжала смотреть ему в глаза.

Он нахмурился и откинулся назад.

— Неважно, — спокойно произнес судья, хотя в его змеином взгляде читалось обещание расплаты. — Если был замешан кто-то еще, мы найдем их всех и уничтожим, как паразитов.

Он подозвал стражника к помосту и передал книгу. Тот бросил ее в металлический контейнер и залил темной жидкостью. Резкий запах бензина тут же заполнил воздух, и грудь Халани начала учащенно вздыматься.

Заметив в ее глазах панику, судья усмехнулся.

— Исполняйте, — приказал он.

Стражник схватил факел и поджег книгу.

Халани хотелось кричать, выпустить всю боль, что струилась в легких. Но с губ не сорвалось ни вздоха, ни единого звука. Она не отрывала взгляда от алого пламени, пока ее тело гипнотически раскачивалось из стороны в сторону. К глазам под-

ступили слезы. Она не понимала, было ли это от дыма или от ее собственного отчаяния. Мир перевернулся с ног на голову. Казалось невозможным отличить реальность от сна.

Огонь облизал и поглотил одну из последних ценных вещей в этом мире. И где-то в глубине души Халани хотелось броситься в огонь и сгореть вместе с ней.

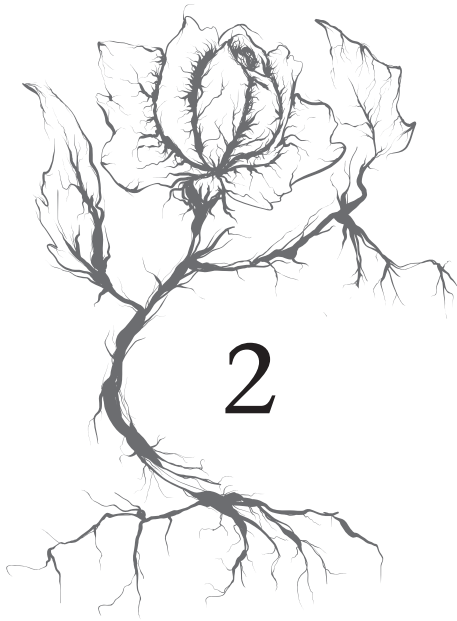
— Будь моя воля, все эти никчемные артефакты в Архивах давно оказались бы уничтожены. — Верховный судья вытер ладони. — Я бы с радостью понаблюдал, как ты болтаешься в петле на улице, чтобы все увидели, какую предательницу казнили, но с судом связался Начальник тюрьмы. Умирает слишком много заключенных, а значит, тебя ждет наказание похуже виселицы.

Шок медленно пронзил сознание, когда до Халани дошел смысл его слов.

Нет.

— Суд Аполлона приговаривает вас к пожизненному заключению в тюрьме Брадерхельм.

Молоток ударил по каменной плите, поставив точку в ее судьбе.

*Раз мертвецы не могут говорить,
я спою за них*

— Ш евелись. — Конвоир грубо толкнул ее в спину.

Халани споткнулась в поношенных кедах на размер больше, которые ей выдали здесь. Одежду ее сожгли, а саму Халани заставили переодеться в тонкий, рваный комбинезон. Серая ткань воняла мочой, и от этого отвратительного запаха, окутавшего тело, Халани едва сдерживала приступ рвоты.

Халани провели в тюрьму Брадерхельм через гигантские ворота, которые охраняли здоровенные вооруженные стражники, одетые в черные куртки с длинными рукавами. Они наблюдали за ней с безжалостной насмешкой.

Ледяной воздух обжигал кожу, а тонкая ткань тюремной робы почти не согревала. Пока они спустились глубоко под землю, Халани казалось, что она шла по темноте, стуча зубами, целую вечность, прежде чем открылся длинный туннель. Лысый конвоир втокнул ее в многоуровневый блок с запертыми камерами.

Халани посмотрела на уходящий ввысь потолок. Вдоль каменных стен висели яркие лампы, озарявшие сотни заключенных.

В Брадерхельме мужчин и женщин не разделяли. На звук шагов все они высунулись из камер, и по огромному помещению прокатился глухой гул. Заключенные кричали и колотили по решеткам.

Халани ощущала на себе сотни давящих взглядов, отчего ей хотелось провалиться под землю.

Стражник рядом с ней потянулся за пистолетом и направил дуло в потолок. Раздалось три последовательных выстрела.

— Заткнулись все! — крикнул он.

В камерах воцарилась тишина, и стражник, что-то проворчав, убрал пистолет в кобуру. Дыхание Халани было частым и прерывистым. Она осторожно выпрямилась, наконец показав лицо. Ее взгляд невольно скользнул влево и наткнулся на молодого заключенного.

Схватившись бледными пальцами за стальные прутья, он смотрел на нее глазами-бусинками, полными абсолютного презрения, будто уже представлял, как сдавливая ей горло и выжимает из нее всю жизнь до последней капли.

Халани резко отвернулась и поспешила за конвоиром, который завел ее в лифт. Сверкающая, современная кабина резко контрастировала с каменной отделкой тюрьмы. Они быстро поднялись на несколько этажей, и лифт, вздрогнув, остановился. Халани последовала за стражником и увидела висевшую над головой покрытую пылью табличку.

«Тюремный блок номер семь».

Конвоир двинулся вперед, и заключенные выглянули из камер.

— Она тут долго не протянет.

— Дам ей неделю.

— Даже меньше.

— Ротик ей успеют развязать, — усмехнулся кто-то.

— Аполлоновская тварь.

Одна из заключенных прижалась к решетке и плюнула Халани прямо в лицо. Густая слюна медленно стекала по ее щеке, пока со всех сторон сыпались грубые оскорбления и от мужчин, и от женщин.

Но Халани старалась не показывать никаких эмоций и выглядеть максимально невозмутимой — не могла позволить себе проявить слабость, по крайней мере в Брэдехельме.

Внутренний ужас и тьма, словно вечные тени, и без того неотступно следовали за ней, сопровождая каждый тяжелый шаг.

Стражник с бесстрастным выражением лица остановился перед пустой камерой и открыл решетку. Халани вошла внутрь и обнаружила на полу грязный узкий матрас, покрытый пятнами, похожими на следы рвоты, и унитаз в углу. Больше ничего. Никаких окон — только темная, полуразрушенная камера и затхлый смрад в воздухе.

Стражник грубо схватил Халани за руки и растегнул наручники. Ее нежная кожа на запястьях выглядела хуже, чем она сама думала. Или, возможно, ее тело к этому времени уже настолько онемело, что не чувствовало совсем ничего.

— Переключка начинается рано утром. Услышишь звонок — встанешь у решетки и будешь стоять, пока Капитан не закончит. Проспишь — получишь наказание. Если есть вопросы, задавай их Капитану, а не мне, — сказал он как раз в тот момент, когда Халани открыла рот, чтобы спросить, нет ли здесь туалетной бумаги.

Стражник достал из кармана тонкое металлическое устройство. От него исходил тихий писк, а пугающий, острый как бритва наконечник светился неоново-красным.

— Вытяни левую руку, — приказал он.

— Что это? — прошептала Халани.

В следующее мгновение стражник ударил ее тыльной стороной ладони так, что голова дернулась вбок. Халани от изумления открыла рот, а он вплотную приблизился к ее лицу.

— Делай то, что тебе говорят и когда говорят, заключенная. А теперь протяни руку, пока я ее не сломал.

Грудь Халани часто вздымалась и опадала. По щеке текла теплая струйка крови — кольцо стражника при ударе задело уголок ее глаза. Она медленно вытянула дрожащую руку. Дородный стражник схватил ее за локоть и поднес к запястью устройство.

Когда его наконечник приблизился, Халани почувствовала сильное жжение на коже и запаниковала. В последнем порыве отчаяния она попыталась вырваться, но стражник крепко держал ее.

Боль.

Единственное, что она испытала, когда устройство прижалось к запястью.

Никакая сила не смогла бы остановить ее крики. Вопли отражались от стен, воздух вокруг сжимался, пока Халани тщетно умоляла прекратить агонию. Но никто не откликнулся на ее мольбы о помощи.

К тому времени, когда стражник отступил, голос Халани охрип. Взгляд ее скользнул вниз, к выжженному на коже ярко-красному номеру триста семнадцать.

— Ты больше не Халани Кейнс. Халани Кейнс исчезла, как только ты оказалась в этих стенах. Ее больше нет. Теперь ты — заключенная триста семнадцать. Следуй правилам, иначе будешь наказана.

Всего лишь номер. Не лучше, чем генетически выведенный скот.

Жестокий стражник ушел, захлопнув решетку с оглушительным грохотом, который отозвался эхом в пещере, и в холодной камере остался лишь звук ее дыхания. Слезы текли по щекам Халани так обильно, что скоро она забыла, каково это — не плакать.

Такое вообще возможно?